

ЗА СТОЛОМ НИКТО У НАС НЕ ЛИШНИЙ...

Рисунок И. СЕМЕНОВА

КРОКОДИЛ

№ 35 • ДЕКАБРЬ 1972

Юрий БЛАГОВ

СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИК

Семейный праздник небывалый
Справляет Родина моя.
Он, этот праздник, взял начало
На баррикадах Октября.
И вот от севера до юга,
От Приамурья до Карпат
Спешим поздравить мы
друг друга:
Семье народов — пятьдесят!

Союз республик братских
создан
В году давнюю, и он
В трудах и битвах грандиозных
Был укреплен и закален.
Мы побеждали под девизом
«Народ народу — друг и брат».
Наш праздник
дружбою пронизан.
Семье народов — пятьдесят!

Напрасно тень на нас наводит
Иной матерый клеветник:
Не разлучить и не покорить
Народов-братьев ни на миг.
Остался только в мире старом
Национальной розни яд,
А мы едины, ведь недаром
Семье народов — пятьдесят!

В пути полвека — это века,
А путь-дорога далека:
Союзу нашему полвека,
А дружба наша — на века...
И вот от севера до юга,
От Приамурья до Карпат
Спешим поздравить мы
друг друга:
Семье народов — пятьдесят!

ТОВАРИЩ ПОСТПРЕД

Устин МАЛАПАГИН

— Не помню, хоть убей,— огорченно сказал парень с чемоданом,— Молдавия или Белоруссия. А может, Туркмения. Какая-то из трех, это точно, а вот какая? Помню, что город-новостройка, что река и комбинат. Еще помню, что фрукты там есть. Или ягоды...

— Может, грибы?
— Может, и грибы,— миролюбиво согласился он.

Что было делать? Запрашивать адресный стол? Министерство? Постового милиционера? И тут-то мне пришла совершенно блестящая идея: постпредства! Ну, конечно! Постоянные представительства Советов Ми-

нистров союзных республик при Советском Союзе. Кто-то, а уж они-то знают свои новостройки как пять пальцев. Но это было потом, а сперва...

Не знаю, как вы, а я люблю объяснять приезжим гостям столицы, куда и как пройти. Где ГУМ, где ЦУМ, где ГАБТ, где МХАТ. Бывало, даже специально приходишь к музею изобразительных искусств, дожدهшься, когда у кованой оградки появится растерянное семейство — жена, муж и дочка,— выйдешь, спросишь: — Вы, кажется, что-то ищете?

Видели бы вы, как они в меня вцепляются! Выясняется, что это семья из Вьесьгонска и что она вторые сутки ищет музей имени А. С. Пушкина.

— Да вот же он,— киваете вы через плечо.— Там сегодня выставка произведений голландского живо-

писца Рембрандта. Советовал бы посетить.

Эффект! Троица смотрит на меня, как будто я и есть великий голландец, приглашает в Вьесьгонск на рыбалку или хотя бы в гостиницу «Алтай» на вьесьгонского леща. Вы благодарите и спешите к двум иностранцам, держащим вверх ногами карту Москвы.

В то утро я, как всегда, нес патрульную службу в районе Арбатской площади. Я уже успел направить двоих в парк Сокольники, на выставку «Интерхимия», троих в Оружейную палату, группу школьников из Йошкар-Олы — в Московский городской Дворец пионеров и школьников и собрался уходить, как вдруг из метро вышел загорелый человек с чемоданом. Судя по костюму из синей диагонали, теплой белой кепке, решительным глазам и руке размером

с полчемодана, я решил, что цельюминимум мужчины должна быть площадью трех вокзалов, цель же максимум лежит где-нибудь за горизонтом на суровых дальневосточных стройплощадках.

Все оказалось так и не так. Просто Виктор (так звали загорелого человека) разминулся с приятелем и теперь тщетно пытался вспомнить адрес города-новостройки. Таким образом, приступая к розыску, я имел следующие данные: есть город, комбинат, фрукты (или грибы), не хватает его местонахождения и специализированных монтажников на комбинате.

Дальнейшее вы знаете. Я усадил Виктора у памятника Н. В. Гоголю, попросил никуда не отлучаться, а сам направился в постпредство Туркменской ССР.

Это была самая обычная московская приемная в самом обычном московском доме.

— Я всегда мечтал побывать в среднеазиатских республиках, — сказал я в порядке налаживания культурных связей.— Ах, Памир — крыша мира, загадочный Восток, легенды, минералы!..

— Ну, конечно, дорогой товарищ,— откликнулся мужчина в тюбетейке.— Большой экзотический

набор. Вы еще забыли верблюда — корабля пустыни.

Чтобы как-то поддержать разговор, я спросил, верно ли, что верблюды плюются.

— Еще как! — улыбнулся мужчина.— Особенно, если им прочесть некоторые проспекты для туристов. Прочитай такое «восточное» пособие, и вся Средняя Азия предстанет тебе пустыней с оазисами, где зреют дыни, а между дынями курсируют корабли пустыни. Нет, дорогой столичный товарищ, нет! Хотите, я вам расскажу то, что не смогла рассказать Шахразада своему знаменитому калифу?

— Расскажите! — воскликнули все присутствовавшие. И незнакомец начал:

— ...И когда пролетела тысяча вторая ночь и наступил тысяча вторая день и Шахразада хотела продолжить дозволенные речи, то ее речи не были слышны даже ей самой. И взглянула Шахразада из окна и увидела она караван самосвалов «МАЗ-151», могучих, как шайтан в расцвете сил. И начался тот караван у горизонта на востоке, а скрывался за горизонтом на западе.

И увидела Шахразада экскаваторы, ковши у которых были, как пасть у джинна Маймуна, а зубы — как у

джинна Хаш-Хаша, да гарантирует аллах полную техническую исправность им обоим!

И услышала Шахразада веселые песни и увидела несметное количество дайхан, которые с танцами и великой радостью шли куда-то.

— Эти почтенные люди идут на праздник? — поинтересовалась Шахразада.

— Да, красавица, на строительство.

— Это, наверно, очень большое строительство?

— У нас не одно строительство, у нас тысяча и одно строительство одновременно. Мы строим города и дороги, аэродромы и порты, химкомбинаты и ясли для самых маленьких дайхан.

— Не рассказывайте мне сказки! — возмутилась Шахразада.— Даже Джафар ибн-джинн Лоллобриджид не может такого.

И она повернула кольцо на безмянном пальце и появилась в громе и пламени джинн Лоллобриджид и предложил построить дворец или разрушить город.

— Что нам дворцы? — ответили ему.— У нас даже пионеры имеют дворцы, а можешь ли ты построить нефтеком-

Василь БОЛЬШАК

Як здоровьичко?

Говорят о человеке: прошел Крым, Рим и медные трубы. Так и обо мне могли сказать. Ведь по долгу нашей журналистской и писательской службы где только не пришлось побывать — и в Америке, и на Балканах, и в Швеции, и в Греции, и в Венеции... Верно в песне поется:

Обедали мы в Греции,
Вечеряли в Венеции...
Было такое, было. И обедали и вечеряли. Но ведь речь идет не о Греции. Речь — о Киргизии. Как это началось? Звонок вечером.

— Есть мнение — ты летишь на Декаду украинской литературы в Киргизию.

— Чье мнение?
— Союза писателей.
— А мое?

— А ты ведь всегда присоединяешься к хорошим мнениям...

Не прошло и пяти часов, как наш воздушный извозчик приземлился в аэропорту Фрунзе. В два часа ночи. Не буду говорить о речах, не буду говорить о милах девушках, подносящих гостям ароматные яблоки апорт и пилалы с кумысом. Не буду. Об ужине скажу. Ужинали мы, естественно, до утра. Утром увидели точно такие же тополя, как на Украине. Только, пожалуй, побольше наших. Небо подлирают.

Хозяева говорят:
— А ведь это ваши тополя, украинские.

— Украинские?
— И вербы с Украины. И черешни и вишни. Сто лет назад завезли к нам украинские переселенцы. Не говоря уже о пшенице... Киргизы были кочевниками, земледелия не знали. Научили нас выращивать пшеницу и, как говорите вы, украинцы, всякую пшеницу. Поедете по нашей стране, увидите знакомые белевые хаты и вишневые сады, юрты и современные города, седую историю и самую современную современность.

На удивляйтесь же, когда киргизский украинец встретит вас вопросом:
— «Амандык, азиз достор?» А вашему это: «Як здоровьичко, дорогой друже?»

Не удивляйтесь, когда киргиз ответит на ваше приветствие:
— Здоровеньки булы!

В Аслан-Бобе в сказочных горах и не менее сказочных лесах мы встретили директора этого красивого края, которого мы так и прозвали — «директор красоты». Хотя официально его должность называется не так пышно: директор лесхоза имени Кирова. Зовут его Касьяненко Анатолий Григорьевич. — Пятнадцать лет назад окончил академию в Голосиве. В Киеве у меня пять твоек. А я вот врос в скалы киргизские. Другой бы за пятнадцать лет, как говорят, все моря выбродил, увидел бы и Рим, и Крым, и теплые воды. Я же вот прикипел к Аслан-Бобу...

— Понимаю, не вечно здесь быть, постарею, молодая смена придет. И становится как будто не по себе. А как же я жить буду без этих вот гор красивых, без рек говорливых, без урюка, джиды, костяницы и чухры? Без милых, приветливых людей, хозяев и гор вот этих величественных и рек бурлящих?

На одной из многочисленных теплых встреч кто-то возьми и спроси:
— А знаете, как зовут сына народного поэта Аалы Токомбаева?

— Асамбек, Муса, Камчи?
— Сына Аалы Токомбаева зовут Тарас...

А еще сказали наши киргизские коллеги: одна из магистралей города Фрунзе называется Киевской улицей. А еще есть улица Тараса Шевченко...

Благодарно вспоминая поездку в Киргизию, я снова думаю о великой дружбе народов нашей страны. И с моей соловьиной, вишневой Укртны шлю приветствие новым друзьям:
— Як здоровьичко?

ПОДМОСКОВНЫЕ ВЕЧЕРА.

Рисунок В. ГОРЯЕВА

ХРОНИКА ВЕСЕЛОГО ШЕКА

К ПРАЗДНИКУ ДРУЖБЫ

Одoleвает все преграды
Народов дружная семья...
Звени, наш смех, и сердце радуи!
Греми, наш смех, старье грома!

Стихами Александра Безименного «Да здравствует товарищ смех!», из которых взяты эти строки, отрывается репертуарный сборник «Дружный смех», выпущенный издательством «Искусство» в канун 50-летия СССР.

Сатирики и юмористы из всех пятнадцати союзных республик страны и ряда автономных республик Российской Федерации выступают в этом «многоголосом» сборнике со стихами и юморесками, интермедиями и фельетонами, баснями и эпиграммами... Сатирическая публицистика наших национальных литератур, представленная здесь в большом жанровом многообразии, искрится лунавами и мудрым народным юмором. Издательство «Искусство», без сомнения, делает доброе, нужное и важное дело, периодически выпуская в серии «Дружный смех» сборники сатиры и юмора литераторов союзных и автономных республик. Каждый такой сборник неоспоримо убеждает, что сатирики всех наших республик идут в одной шеренге, что у них общие заботы, единые задачи. И еще свидетельствует о том, что коротко и точно выразил (в том же сборнике «Дружный смех») народный писатель Дагестана Ахметхан Абу-Бакар:

Я говорю в Москве:
«Привет!» —
Как говорят друзьям.
Мне улыбаются в ответ
И говорят: «Салам!»

бинат или проложить реку через Каракумы? На худой конец, можешь ли соорудить печь «кипящего слоя» для сушки товарного сульфата натрия?

— Нет,— сказал джинн,— не могу. Кроме дворца, ничего не могу. Образования не хватает.— И стало обидно джинну, и он заплакал и полез в бутылку, где и пребывает до настоящего времени.

— А Шахзада? — спросил я, но тут секретарь пригласила меня в кабинет постпреда Туркменской ССР М. Г. Куртгельдыева, и человек в тюбетейке прекратил дозволенные речи.

Москвичи считают (и правильно делают), что Москва без арбатских переулков не Москва. Жители арбатских переулков, со своей стороны, считают (и еще более правильно делают), что арбатские переулки, и в частности переулок Аксакова, без Туркменского постпредства не Арбат и, уж конечно, не Москва.

За десятки лет они привыкли, что у подъезда этого четырехэтажного дома появляются не по-московски спокойные, улыбочивые люди. Их дубленые лица, черные тюбетейки и халаты, хранящие зной Каракумов и стужу Копет-Дага, придают переулку особую восточную значительность.

— Здравствуйте! Салам! — приветствовал меня Мамед Гельдыевич.— Рады приветствовать вас в постпредстве Туркмении. Вы, я слышал, ищете город-новостройку? Чтобы там был и химкомбинат? Тогда это определено у нас.

— Вы имеете в виду Кара-Богаз-Гол? — уточнил заместитель постпреда Николай Сергеевич Кузнецов.

— Не говори мне о Кара-Богазе! — воскликнул Мамед Гельдыевич.— О чем хочешь говори — о Шатлыке, Котур-Тепе, Челекене, Небит-Даге, о Чарджоу, наконец! Пускай выбирает.

— Чарджоу! — не удержался я, услышав знакомое с детства название.— Родина знаменитых чарджоуских дынь?

— Дынь тоже, — улыбнулся Мамед Гельдыевич.— Но главным образом знаменитой, изумительной туркменской нефти! — добавил он и, извинившись, уехал в Госплан, отсюда — на ВДНХ, где намечались дни республики, а оттуда — в аэропорт. Вслед за ним извинился и Николай Сергеевич и тоже уехал в Мингазпром, отсюда — в постпредство Армении, уехал, любезно снабдив меня интересующими документами. А час спустя я вполне освоился в уютном кабинете.

Открыл папку о Кара-Богаз-Голе и долго ее не закрывал. Она началась письмом об изучении богатств уникального залива, датированным сентябрем 1921 года, и завершилась обращением нынешнего зампреда республике тов. В. А. Пономарева к министру химической промышленности СССР тов. Л. А. Костандову о том, что до сих пор не разработана технология извлечения компонентов из рассолов залива.

Между этими двумя документами залежала многослойная переписка, неспешное строительство комбината «Карабогазсульфат», мерцали белоснежные соляные горы чудо-залива, содержащего чуть ли не полтаблицы Менделеева, и громоздились не менее высокие валы бесчисленных кандидатских и докторских диссертаций. Можно было подумать, что именно в этом вся соль залива и есть.

Не поняв толком, почему же при таком всеобщем интересе к феномену природы до сих пор не пущен

завод по промышленному производству сульфата натрия, а все еще работают дедовским бассейновым способом, несколько его модернизировав, я решил при первой же возможности потревожить по этому вопросу министра химической промышленности СССР тов. Л. А. Костандова.

— Слушай,— спросил меня вернувшийся тем временем тов. Куртгельдыев,— а твой парень овцеводством не интересуется? Миллион триста тысяч каракулевых шкурок в год! Искусственные каналы — оазисы, семимиллионное стадо к концу пятилетки! Или, может, хлопкоробом пойдешь? Николай Сергеевич, дайте ему, кроме городов-новостроек, список хлопковых хозяйств. Вдруг надумает. До свидания, дорогой, саг бол, нам пора.

И постпред с заместителем, извинившись, уехали в Госстрой, Госплан, Минхимпром, Миннефтепром, Минэнерго и Минрыбхоз.

А теперь возьмите троллейбусы, госбанки, персики, выставочные залы, географические карты и Всесоюзный дом моделей. Добавьте золотых рыбок, ткани, готовое платье, гастронорм, лавку букинистов, пирожковые и кафе. Подбросьте сотню-другую самых немыслимых учреждений и наводните все это наполовину сверхдоловой, наполовину сверхбеззаботной толпой. Если теперь все это задвигается в ритме молдавически — получится одна из любимейших москвичами московских улиц — Кузнецкий мост в 12 часов дня.

Не удивительно, что постпредство Молдавской ССР оказалось здесь же, на Кузнецком, между Лавкой писателей и ателье высшего разряда.

— Да, пожалуйста, проходите,—

вильно, он тоже новостройка, но это же разные вещи!..

—...Вы меня ставите в затруднительное положение. Мало ли какие фрукты производит Молдавия: вишню, черешню, яблоки! Вы «жемчуг Саба» пробовали? Как что? Сорт винограда. Попробуйте, тогда продолжим разговор...

— Так вы говорите,— сказал Дмитрий Семенович, взяв пятиминутный тайм-аут,— что потеряли город-новостройку с комбинатом и фруктами? Слушайте, а не пойти ли вашему парню в Молдплодоовощпром? Мы впервые объединили аграрные, торговые и промышленные предприятия республики и дали стране один миллиард условных банок консервов! Я бы назвал это объединение «Все о фруктах»: хочешь — выращивай, хочешь — консервируй, хочешь — торгуй. А главное, не на кого сылаться, если фрукты-овощи испортились. Так что возможности неограниченные, а уж масштабы! Миллиард банок в год! Пусть даже условных. Стоит подумать.

Но тут тайм-аут окончился: зазвонил телефон.

—...Конечно, конечно. Да. Нас бы очень заинтересовало совместное производство с ГДР...

И я ушел, унося список новостроек и добрые пожелания Д. С. Корнована.

—...Беловежская, Бобруйская, Минская... — повторял я названия московских улиц, принятые в честь белорусских мест и городов.— Оршинская, Полоцкая, Брестская 1-я, 2-я, Белорусский вокзал...

Хотелось предстать перед постпредом БССР А. В. Горячкиным подкованным по части географии республики.

А, собственно, почему только гео-

человек (то есть столько, сколько примерно работает сегодня на одном современном промышленном предприятии!).

Кстати, там же сказано, что ведущей отраслью промышленности республики является изготовление дрожжей.

Мои размышления на этом прервались: я стоял у окошка по улице Богдана Хмельницкого, 17/6.

— Познакомься с группой товарищей из Новополоцка, где в настоящее время развернуто строительство гиганта химии,— сказал постпред А. В. Горячкин.— Они расскажут все о своем городе и о других городах. Остальные данные получишь у моего заместителя тов. Масальского вместе со списком городов-новостроек, с комбинатами, грибами и ягодами. У меня все,— закончил постпред А. В. Горячкин, энергичный мужчина в вышитой сорочке. Он же познакомил меня с первым секретарем Новополоцкого горкома партии тов. Осипенковым П. С. и предгорисполкома тов. Катюшонком В. И.

Потом мы сидели с ними, и по мере беседы мне становилось понятным, что трудности роста, несмотря на столь красивое название,— это тем не менее трудности и что, как это часто бывает с трудностями, они могут быть созданы даже, казалось бы, на таком ровном месте, как строительная площадка Новополоцка.

Появление трудностей совпало с девятилетием города. В этом году сменился генеральный застройщик города и комбината: вместо союзного Министерства нефтеперерабатывающей промышленности, которое хоть и туго, но занималось коммунальным строительством, гензастройщиком стал Минхимпром СССР, для которого существует только производство.

— Все, что мы хотим,— сказал тов. Осипенков,— это, чтобы планомерно шло развитие Полоцкого промышленного узла. Можно ли считать, что развитие идет нормально, если производственные мощности вводятся, а городу, людям не хватает тепла, питьевой воды и канализации? И это при наличии источников — ведь городу нужна только прокладка коммуникаций. А в Минхимпроме даже на проектирование в текущем году вместо двухсот тысяч рублей не выделено даже половины...

— Вот список городов-новостроек, подходящих по приметам,— вмешался обязательный тов. А. Я. Масальский.

—...Светлогорск: химия, синтетическое волокно,— читал я.— Жодино: завод большегрузных автомобилей «БелАЗ». Новополоцк: нефть, химия. Лощница: животноводческий комбинат. Солигорск... новый Мозырь... Минское промышленное ожерелье...

— Знаете что, Аркадий Яковлевич, ограничимся списком.— И через полчаса я был на Гоголевском бульваре.

Увы, парня с чемоданом уже не было, а меня ждала записка:

«Вспомнил! Это Набережные Челны. Спасибо за все, лечу в Казань. Напишу с дороги. Виктор».

По зрелом размышлении я ему тоже остался благодарен. Как-никак, а теперь я представляю, что такое постоянное представительство. Оно постоянно в курсе всего и постоянно готово помочь республике, учреждению, человеку. Кроме того, теперь я знаю, как сказать по-туркменски, по-молдавски и по-белорусски: «Успехов вам, товарищи!» Очень просто:

— Ишиныз шоули болсун, йолдашлар!

— Норок! Спор ла мункэ, товараэш!

— Поспехов вам, сябры!

Успехов и вам, товарищи постпре-

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

сказал постпред Молдавской ССР Д. С. Корнован, одновременно разговаривая по двум телефонам, проводя инструктаж сотрудников и диктуя секретарю текст телеграммы.— Да, получено сообщение из Вулканешт. Там в торжественной обстановке открыта высоковольтная линия передачи. Ток Молдавской ГРЭС из города-новостройки Днестровска пошел в Народную Республику Болгарию по системе «Мир».

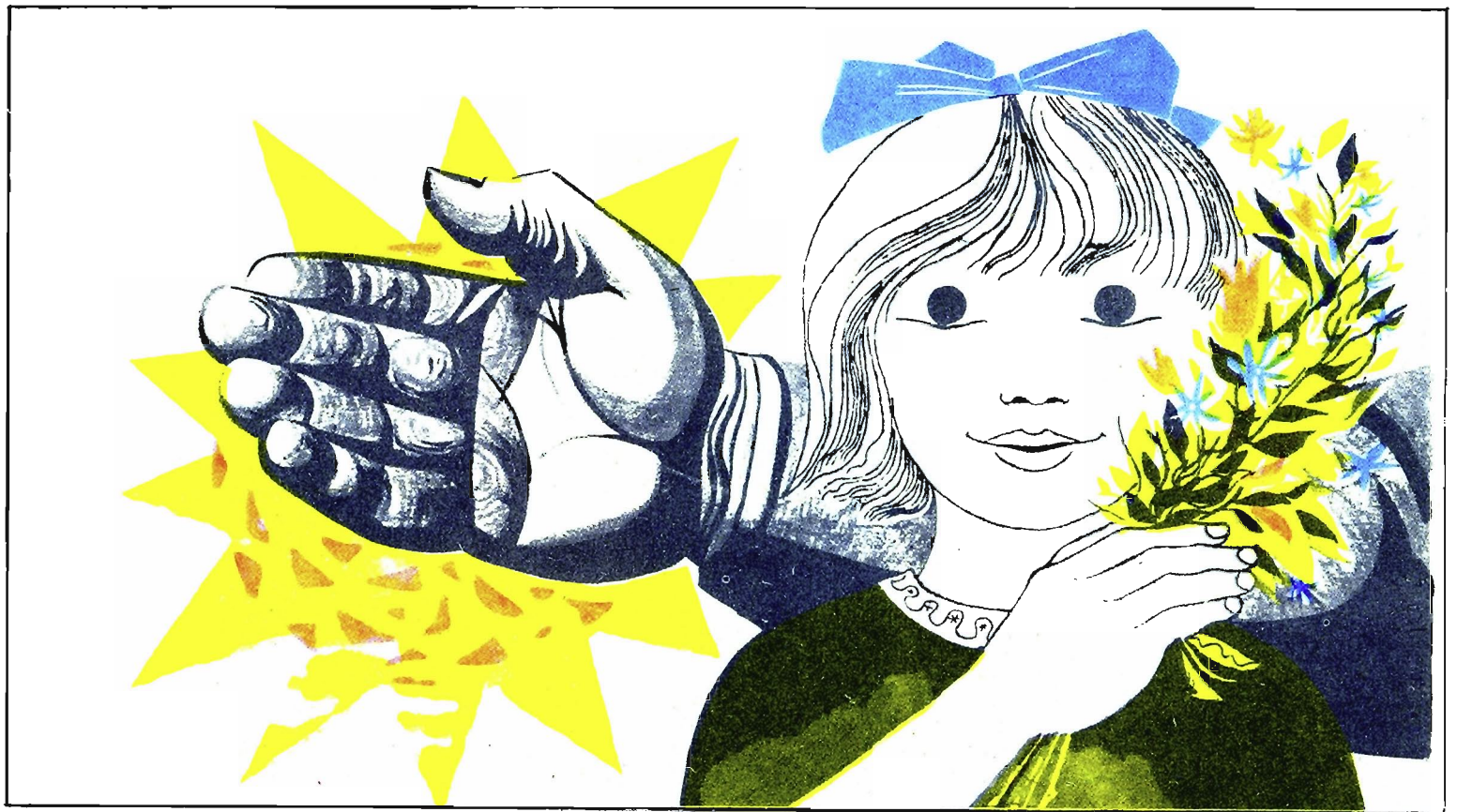
— Повторите условия. Нас это устраивает. Пусть это будет агропромышленное объединение. Договорились. В пятницу. Ла реведере. До свидания...

— ...Тираспольский хлопчатобумажный комбинат — крупнейшая новостройка республики. При чем тут Унгенский консервный завод? Пра-

графии, подумалось мне. Разве не относятся к славному прошлому Белоруссии такие названия московских улиц, как Партизанская, Пехотная, Солдатская, Полковая и Саперный проспект?

Если принять за основу промышленность, созданную в Белоруссии за последние 50 лет фактически на пустом месте, то подойдут московские улицы: Металлургов, Полимерная, Радио, Автозаводская, Энтузиастов, в конце концов! Это особенно интересно хотя бы потому, что в энциклопедии за 1928 год в статье «Белорусская Советская Социалистическая Республика» в разделе «Промышленность» сказано, что таковая в республике «развита слабо: в БССР сосредоточено лишь 1,35% фаб.-зав. рабочих СССР», что составляет тридцать три тысячи

РУКА
ЛЕНИНА

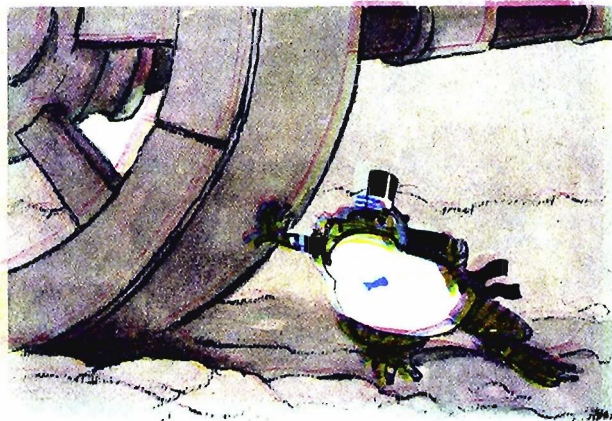

Плакат
Антон
РЕФРЕЖЬЕ
(США)

Кондрат КРАПИВА

ЖАБА В КОЛЕЕ

Погодка!.. Небо — словно дым,
Земля под солнцем пышет жаром.
Лежать тут некогда ни молодым,
Ни старым:
Кто есть в селе — на сенокосе!
Взгляни-ка: у озер, на луговом просторе
Мельканье грабель, звон брусков и кос...
И вот уж по волнам в зелени море
Плывет, качаясь, пухлый воз.
И капитан — чубатый, бравый —
Корабль ведет меж рифов (меж нопен)
То левою вожжей, то правой,
И даже инут пускает в дело он:
Оно хоть трудно «лошадиной силе»,
Да надобно спешить. Жара. Не зря ж косили!..
А у дорожного ухаба
Под веткой чахлого куста
Сидит надувшаяся Жаба
И гневается неспроста:
Печет-то все сильнее, житье все хуже,
Нигде ни тени нет, ни лужи.
Того гляди, нагрянет аист, —
Куда скакать тогда, спасаясь?
Доныне пряталась среди густой травы,
Ну а теперь — увя...
А все двуногий этот гость:
Ишь, важно как расселся на возу-то!

И обуяла Жабу злость,
И, на возницу глядя люто,
Зашлепала губами Жаба: — Ну,
Держись! Пройдет одна минута —
И жизнь прикончу я твою.
Сейчас вот сяду в колею,
Плечом под колесо толкну —
И весь твой воз к чертям переверну!
А с шеей свернутой поймай меня
попробуй!.. —
И, захлебнувшись собственной злобой,
В колесный след она скакнула смело
И там засела.
Тут обод по хребту ей хрясь!
И в колею — одна лишь грязь.
.....
Куда не следует, не лазь.

Эй, жабы всех мастей! Есть к вам вопрос:
Кто хочет на ходу столкнуть советский воз?

Перевод с белорусского В. КОРЧАГИНА

Рисунок А. ВОЛКОВА

ЭВОЛЮЦИЯ ОДНОЙ ТРИБУНЫ!

Рисунок А. КРЫЛОВА

ДРУЖБА НАРОДОВ — МИФ!

— НЕ В-ВЫЙДЕТ!

Керим КУРБАНПЕСОВ

САМЫЙ ЦЕННЫЙ ДАР

(ИЗ КИРГИЗСКОГО БЛОКНОТА)

«У нас пятьсот веселых рек!» —
Киргизы говорили.
Мы попросили их: «Друзья,
Отдайте хоть одну!»
Нам не одну, а десять рек
Киргизы подарили,
Но как с собою унести
Бегущую волну!

— Аман-ага, хотя б одну
Давай возьмем с собою!
— Сильнее берег потяни
К себе, Берды-ага!
Но не послушалась река
С водою голубою:
Ведь унести ее нельзя,
Держа за берега!

«Пятьсот ущелий есть у нас!» —
Киргизы говорили.
Мы попросили их: «Друзья,
Отдайте нам одну!»
Нам не одно, а целых сто
Киргизы подарили,
Но было увезти с собой
Ущелья мудрено.

— Анна Ковус, раз ты — палван¹,
Так прилегай сильнее!
— За этот край, Шахер Борджак,
Тяни! Еще, друзья!
Осталась пропасть где была,
Далеким дном темнея:
Ведь унести ее нельзя
За острые хряя!

Сказал Чингиз: «Подарок наш
С собою заберите.
Нельзя подарок не принять —
Обычай предков строг!»
Берды-ага сказал: «Гостей
Так щедро вы дарите,
Что как бы не пришлось самим
Остаться без сапог!»

Чингиз, довольный, хохотал,
И все вокруг смеялись...
И десять рек текли, бурля,
В родном краю своем,
И сто ущелий навсегда
В родном краю остались.
Сказал Анна: «Накие ж мы
Подарки увезем!»

Но полюбили мы людей,
По берегам зеленым
Живущих у речной воды,
От солнца золотой.
Степей лазурных красоту
Встречали мы с поклоном
И замирали, шапки сняв,
Пред этой красотой.

Нам восемь мягких белых шляп
На головы надели,
И слово доброе «тюскан»²
Сдружило нас навек.
Холодный пили мы кумыс,
И бешбармак мы ели
На ста пирах —
На ста горах —
У ста веселых рек!

Над дастарханом в тишине
Легко стихи витали,
И если прозой говорил
Почтенный аксакал,
То мудрые его слова
Мы прозой не считали:
«За дружбу всех людей земли
Осушим свой бокал!»

Как много было в тех словах
Заботы, силы, чести,
И освещал их добрый жар
Грядущее земли.
Мы сто ущелий, десять рек
Оставили на месте,
А дружбу — лучший из даров! —
С собою привезли.

Перевод с туркменского
О. ДМИТРИЕВА

¹ Палван — борец (туркменск.).
² Тюскан — брат (кирг.).

Дружеское
рукопожатие.

Рисунок
Р. ИШАНКУЛИЕВА
(Туркмения)

— Я вижу, док-
тор, вы тоже не
выполняете
план!

Рисунок
А. БОЗА
(Молдавия)

«И, товарищи, нет людей счастливее тех, которые называются большевиками!»

С. М. КИРОВ

Пассажиру было двадцать три года. Родом он происходил из Уржума (в гербе лук, стрела, битый гусь). Ехал он из Иркутска во Владикавказ и, хотя вообще любил курить трубку, стоял в тамбуре и смолит папироски «Ю-Ю» табачного короля Баграта Вахтангова. Трубку пассажир забыл ввиду спешности сборов. Спешность возникла по изрядной причине: Сергей Костриков, мещанин, член РСДРП с 1904 года, образование среднетехническое, отбыл заключение в Томской тюрьме, затем печатал в Томске, в подвале на Аполлинариевской, запретные прокламации.

Место выбрал он, казалось, идеальное и бесподобно зрелищное: над подвалом жили стражник тюрьмы и писарь полиции. Но вот, гуляя праздничным яблочный спас, стражник грянул сагогом, пошатнул половицы, а за ним привизгнул и пошел вприсядочку писарь — и русская печь от такого бедлама провалилась в подвал, обнажив типографию... И побежали по Томску чины жандармерии, на бегу изучая слитительную: «глаза карие, широкоплечий, большой крепкий лоб». Пришлось отбыть в Иркутск, а затем и далее...

Словом, уже в городе Владикавказе высаживался именно этот, с указанным качеством лба. И пошел по городу, выпрашивая адрес. На заборах из дикого камня сидели индюшки, и были тут же прилеплены афиши относительно пьесы Дюма «Кин. Гений и беспутство» с господами артистами Рафаилом и Альбертом Адельгейм.

И до чего же велика была пропускная способность Томской тюрьмы! Пожалуй, в любом городе Российской империи жили выпускники этого заведения. Во Владикавказе тоже имелись. И бывший товарищ по камере сказал сотоварищу Кострикову:

— Ячейки партийной тут нету, разгромлена наместо. С жильем — куда живи у меня, но загвоздка — с работой. Тебя ведь потянет — чтоб в гущу! Здесь газета есть, «Терек». Может, пробьешь.

И издатель Казаров, поскольку Влас Дорошевич к нему не приехали бы наниматься, и Саша Черный не приехали бы, взял репортером Кострикова. Оклад был положен семьдесят пять рублей, как раз на блокноты и бутерброды. Так приобщился к газете разворотливый репортер. Вокруг же была Терская область, мундирный военно-чиновничий город, межнациональная рознь, умело подогреваемая, и странный авторский актив с англезацией подписей: «Лорд К», «Мессир», а проблематика помещалась в газете такая: «Перенос мощей святой Ефросинии», «Жорж Борман, меценат и кондитер».

Немного почитав, одобряя Жоржа и поскорбев о Ефросинии, дремал в шезлонге, затенившись газетой, воинский начальник Терской области — генерал-лейтенант, его превосходительство наказной атаман Казачьего войска Терского Флейшер. Пчелы лазили в вазочке с абрикосами. В казармах оркестр войска Терского под управлением И. А. Труффи производил репете сюиты из оперы «Золотой ключик».

* * *

На рассвете, когда солнце с вершин Казбека быстро бежит в долины, издатель спустился из спальни в редакцию.

— Господин Костриков, — изъяснил свои чувства издатель, — мне приятно наблюдать такое служебное рвение. Редкость по нынешним временам.

Господин Костриков, приходя до света, изучал подшивки за прошедшие годы. По газетным статьям репортер устанавливал, кого можно привлечь для партийной работы. И находились такие люди, взять хотя бы сына табачного короля, начинающего актера Евгения Вахтангова.

— Сергей Миронович, — сказал издатель торжественно, — читающий Владикавказ уже знает, выделяет вас среди авторов «Терека». Позвольте предложить повышение. Литературный сотрудник, — вы не откажетесь? Рецензии, передовицы...

Два примечательных кресла стало во Владикавказском театре. В кресле 2 (ряд второй) отныне сидел С. Костриков, рецензент. В кресле 2 (первый ряд) сидел цензурно-жандармский чин, поигрывая тараканьим блестящим штиблет. Иногда чин поворачивал голову к креслу 2—2 и, стрельнув глазом в кулисы, слал ногти в вошеубойный знак: с душком пьеса, придется к ногтю...

— Да-с, — говорил чин в антракте соседу. — Еще будет хлопот с господином Горьким, поверьте. Чрезмерная заостренность. Чрезмерная. И покусительство.

— Ну, слишком вы строги, — возражал репортер. — Какая же чрезмерность? Все углы режиссура сплила. «На дне» разве так надлежит играть? У Горького Пелел — Васья! А тут его Василием хочется звать. Даже по отчету!

И вот так, учено беседуя, шли со спектакля двое, и навстречу им слышалась осетинская речь, и с факелами за арбами шагали согбенные люди, на что сотрудник газеты сказал:

— Не ошибаюсь ли я — вот осетины выживаются нами в Америку?

— И жалевте, что об этом писать не дозволено? Да, это туземцы бредут. Меньше туземцев, господин Костриков, больше российское достояние! Покойной ночи. Как это писано у вас про ночь... Ага! «Только изредка среди темной ночи, опустившейся на обширные нивы нашей Родины, раздавался дикий выкрик неумолимого в жадности реакционера, и снова наступала злобная тишина». Так? Не почите за дикий выкрик.

«Опасен. Очень опасен. Умен!» — думали, расходясь, друг про друга.

Он был уже самым известным на Терке журналистом, так что даже признанный метр, штатный фельетонист «Терека» Саша Солодов, тыкал пальцем и спрашивал:

— Я руку набил, литератор от бога, а ты-то как

никогда в ней здоровых зерен культурной жизни, интересующая Кавказом столичная пресса преподносит своим читателям обширные повести «В стране абреков и прочих».

В этот миг отлетела на петлях дверь, вошли в штатском, жандармы за ними.

— Костриков? По делу о типографии. Этапом в Томск.

Был 1911 год, 31 августа.

— Конец, — сказал издателю Солодов. — Без него как будем? Чем газету заполним? Вот минводский курортник стихов нанес:

Терек, Терек, ты быстер,
Ты ведь не овечка.
В порошок меня бы стер
Этот самый речка.

Заполним всю вторую страницу?

* * *

Он снова сидел в одиночке Томской тюрьмы, из окна своей камеры наблюдал казни в тюремном дворе — как лениво курит палач, и вот уже стражники ведут к эшафоту казнимого, человек обвисает от

А. МОРАЛЕВИЧ, специальный корреспондент Крокодила

взялся? — И читал завистливо от эпиграфа: «Министерство внутренних дел извещает о проекте упразднения сословия МЕЩАНИН».

«Россия без мещан!»

Это так же несомненно, как республика без граждан, как Рим без рабов.

Нет, проект об упразднении мещанина кажется совершенно невероятным, и лучше его взять обратно.

Милый мещанин, живи и не тревожь своего векового покоя.

Помни одно:

Блажен, кто спит и днем и ночью — ему обеспечена благодарность квартального».

Как ты это писал? Впрочем, пиши, брат. Завидую.

И Костриков писал. Он владел уже умами подписчиков. Но — русских подписчиков русской газеты. А были еще ингуши, чеченцы, кабардинцы, осетины, кумыки, балкарцы. Между ними и «Терек» стоял цензурный барьер: проблемы «туземцев» русской газете трогать не дозволялось.

Тогда Костриков пошел к горцам пешком — посох, ружье, сванская шапка из войлока. Он учил коран, учил шариат, и что мусульманин может иметь сразу четырех жен, и что мужчина, произнесший над женщиной четыре раза слово «талак», считается с ней разведенным...

Самуил Маршак, собиратель коллекции «Киров в рисунках детей», оставил нам мудрый стих:

Я знаю: время растяжимо.
Здесь все зависит от того,
Какого рода содержимым
Вы заполняете его.

И вот, зная секреты растяжения времени, журналист Костриков все свободное время стал проводить в горах. Потому что одно дело — разговор горца с равнинным русским. Другое — если русский покорил Казбек и Эльбрус.

Он взял эти вершины в июле и августе 1910 года. Словом, дело шло на лад в среде рабочих, в среде горских крестьян, была невеста Маша Маркус, и сидел журналист Костриков в редакции, вычитывал конец фельетона: «И вместо того, чтобы по возможности возделывать непочатую кавказскую ниву, чтобы по мере сил способствовать произраста-

страха, и вот его просто волокут по двору, две борозды от носков сапог пересекают двор.

— Последнее слово! — говорит ему полицеймейстер. — Эй! Хочешь сказать что-нибудь? Можно все.

— Последнее слово! — повторил полицеймейстер, и взгляд смертника перестал блуждать, устойчиво утвердился ноги, он шагнул вперед:

— Шесть рублей! В камере спрятаны... Пропадут ведь!

В тюрьме Костриков написал «Заметки о смертных казнях». Случай с шестью рублями лег в их основу. Как мог человек в последнюю минуту жизни жить этим? Трижды виновен строй, сделавший человека таким, но вина самого человека тяжелее стократ — он позволил сделать это с собой.

Ну, а дело Кострикова? Дело не состоялось. Какая типография? Какой станок? Ничего не знаю. Удивлен. Возмущен!

Издатель Казаров, встречая поезд из Томска, прослезился и обнимал.

— Недоразумение, я так и думал. Пожалуйте, пожалуйста в пролетку. Господин Костриков! Сергей Миронович! Гибнет газета. Художественным и политическим редактором... Прошу заступить!

Вскоре была и свадьба политического редактора, и г-н издатель на свадьбе выразил мнение, что не худо бы новому редактору избрать и новый псевдоним, поскольку фамилия нервирует власти.

— Перцев! — кричали гости. — Редькин! Уколов! — Киров! — выдвинул Костриков. — Кир, царь каталажек.

И как был доволен издатель Казаров! Тираж прирастал колоссально, прибыли тоже.

— Читали Кирова — «Профессор Крадущий»? Выкрал в Киеве университетский архив, про царя Михаила Федоровича исторические нелицезности — спасал дом Романовых от суда истории.

Читатель водил по газете пальцем: «Творит Ванька русскую историю, а в государстве Российском нет места, где бы он мог жить и работать, где бы он мог отдохнуть и избавиться от гнетущих недугов своих».

Интеллигенция читала статью «Мы их не знаем» — о том статья, как часто русский ученый вынужден талант свой продавать за границу, ибо, например,

правительственный чиновник Шахов говорил проф. Бахметьеву, создателю теории анабиоза:

— Я вас не знаю и знать не желаю!
«Под ней (этой фразой) может подписаться вся официальная Россия», — писал Киров.

— Голубчик! Сергей Миронович! — воздевал руки издатель. — Приклоннот нас. Разорение. Что ж вы ТАК пишете? За «Еще панаму» штраф 100 руб. 200 — за «Ликвидацию стачек», «Четырнадцать часов труда». 150 — за «Начало конца» с «Дневником журналиста». 50 — за «Тревогу в Китае». Под суд загнем. Солодов с фельетоном, глядите — уже!

И верно, опять к ответу Солодова требовал суд. Но не дошло до суда. «Только два слова» называлась большая кировская статья о смерти друга-фельетониста. И слова эти были: «Застрелился Солодов».

Второй раз в жизни вплотную за гробом шел Сергей Миронович Киров. Впервые он шел в пятом году, когда в Томске зарубили казаки знаменосца Иосифа Кононова. Ночью пробрался в мертвецкую Костриков, нашел в пластах трупов товарища, вынул из-под тужурки от крови тяжелое знамя, и это знамя несли за гробом. И впереди у Кирова было много верст пути этим медленным шагом.

Ах, какие были они, эти два предвоенных года! Полосой выступления на митингах и такое деловое умение от близкого знакомства с театром — парик на голову и ветхим стариком мимо полиции. И связь с грозненским, минводским, бакинским подпольем, а параллельно — газета, по пятьдесят статей за два месяца.

Ах, какое было оно, военное время! Хоть его прокомментируй Михаил Евграфович Салтыков-Щедриним, мол, каждый сосет свой кус под смоковницей своей, хоть Филаретом, мятежным иноком, что «ныне наста время зол, мятежей и бед, беды от сродственников, беды от свойственников, беды в мире, беды в море, беды в домех и в путех».

Но вот февраль семнадцатого, и другого совсем человека цитирует людям Сергей Миронович Киров — Коста Хетагурова:

— Минуты сочтены... Повсюду бьют тревогу. Уж брезжит луч зари, играя на штыках.

— По области не сообщать! — приказал телеграфу его превосходительство Флейшер. — До сведения не доводить!

Что не сообщать? А что монархия пала. Хоть день хотел выцарапать наказной атаман...

Тут лопнула власть, распавшись на два правительства: войсковой круг казачий (инородцев резать, земли — казачеству) и княжеский «Союз объединенных горцев» (казakov резать, Северный Кавказ — под зеленое знамя пророка и турецкий протекторат).

Конно, пеше и под парами рассыпались по области провокаторы. Казаки вырезали чеченские села.

Горцы жгли станицы по Сунже. Сто тридцать пять полк окружил ингушей на Владикавказском базаре, спровоцировал нападение. Убитых русских и ингушей в открытых дрогах провокаторы возили по городу: вот большевики наработали.

И двух человек отрядила партия к чеченцам и ингушам, доведенным до отчаяния двум горским народам, — Кирова и слесаря Серобабова.

Уже не надеялись на их возвращение — они вернулись. Ингушская кавалерия до самых окраин, до рабочих дружин прикрывала посланников.

— Старики на коран клали руку, — сказал Серобабов. — Провокация не поддадутся.

И об этом очень пиковом эпизоде, как все чаще было в последнее время, не написал в «Терек» редактор Киров. Журналист изменил профессию. Журналист уходил делать историю. На другой день он был уже далеко, в Кремле, а там встреча с Землячкой, и срочный выезд в Питер к Свердлову, на перехват знаменитой Дикой дивизии, брошенной к Питеру Керенским, а потом формирование зшелюнов с оружием и провиантом в помощь Кавказу, от Свердлова — к Ленину, и распоряжения Ленина, врученные Кирову, по важности дела снабженные ленинским —

«АРХИСРОЧНО»

Он написал тысячу двести статей и отдал три четверти жизни, чтобы написать одну, самую главную. И впервые не выкроил времени.

Это было в Пятигорске, в Народном доме. Это был Второй съезд народов Терка. Здесь были люди от казачьей верхушки, меньшевики, эсеры левые, правые, центристы, делегаты народностей, кроме чеченцев и ингушей, и больше всего тут было большевиков.

Было первое марта, год восемнадцатый. Съезд начал свою работу.

— Не приехали делегаты от чеченцев и ингушей? — спросил Ной Буачидзе Кирова.

— Плохие вести, — сказал Киров. — Трое гонцов

убиты, не удалось прорваться к Беслану. Большевики не преминут воспользоваться, чтобы сорвать съезд, надо оттягивать, сколько можно.

И меньшевики воспользовались:
— Чеченских делегатов нет! Ингушей нет! Не прислали делегатов, жгут наши станицы. Предложение от казачества — выводить на них войско!

И в это время сквозь стрельбу под Бесланом бешено гнал кавалерийский отряд, гнал кольцом, прикрывая четырнадцать всадников в середине. Они ворвались в Беслан, на пути, и здесь под парами их ждал паровоз. Четырнадцать делегатов от ингушей сквозь казачьи заслоны прорвались на съезд.

Паровоз уже вышел за стрелку, разогнался в степи, и выстрелом раздалось:

— Асланбек!

А он уже догонял, прыгнул на паровоз с коня, единственный делегат Чечни Асланбек Шерипов.

А съезд срывался.

Кричали «по домам» и «по коням». И вылезали ораторы от неведомых фракций, призывая куда-нибудь нравственно устремиться. И общая пошла сумятица, толпой затопило проходы — как вдруг стало стихать, проход раздоил помещение, и пятнадцать делегатов прошли вперед.

Тут грянуло — стоя приветствовал зал ингуша Гапура Ахриева, чеченца Асланбека Шерипова, и постепенно сошло с лиц граждан из фракций то самое, что зовется в актерских учебниках мимикой интеллектуального удивления.

— Успели, — обронил только Киров.

— Товарищи, — сказал съезду Ахриев. — Наш путь сюда был тяжел, но мы здесь. Ингуши приветствуют власть народа. У ингушей вы найдете самую крепкую поддержку всеми наличными силами!

— Спасибо за братство! — крикнули с мест ингородники. — Рука ваша не повиснет в воздухе.

И снова зашумело: а что скажет чеченец? Тут слова да слова, а станицы горят!

На это сказал чеченец: я отбивался от провокаторов и убийц по дороге сюда, но они, как видно, раньше успели в зал.

— Я предлагаю, — сказал Асланбек Шерипов, — себя в заложники казачьему кругу. Любая станица, где вспыхнет, вольна поступить со мной, как захочет!

Здесь опять бы перо журналиста Кирова, и писать бы ему, что был такой день — семнадцатое марта, когда впервые от века государственная мудрость пошла рядом с гражданской смелостью и в одном направлении.

Но он руководил здесь и мудростью и смелостью, писать не мог, и был этот день — семнадцатое — днем сплошной практики применения одновременно того и другого.

Уже разбились на секции, и дело пошло, узаконили равенство всех языков, всех народностей, признали суды по народным обычаям, но чтобы по российской новой законности, и вступали то меньшевики, то укленисты, и выступил Киров, приперев их к стене:

— Власть естественно перешла в руки всех народов, и органы власти осуществляют волю всех народов в постоянном общении с ними!

И снова дали слово меньшевикам, но они отказались, на что зал прокричал не без глумленья:

— Спасибо!

И вдруг все стихло, разорвавшись криком на улице. Арба стояла под стеной Народного дома, и в ней десять обезображенных трупов увидели делегаты. Еще провокация.

И не выдержали села — осетинское Ольгинское и Базоркино ингушей, всеобщность боя разворачивалась на границе двух сел.

Киров — кто же, кроме него? — был немедля назначен съездом ликвидировать бой. Киров и Солтан Калабеков, балкарец.

Они шли с белым флагом полосой ничейной земли, по всей линии смолкли выстрелы, только шелкнул один — был убит Солтан Калабеков, и белый флаг упал на землю. Его поднял Киров — поднял белый флаг один раз в своей жизни, — потому что белый в тот день был значим не менее красного.

Час прошел, и как большую могилу засыпали окопы между селениями осетины и ингуши.

Съезд вернулся в стены здания, продолжив работу, и присягали села: кто поднимет оружие, будет врагом всему населению области.

И 17 марта, в 11.35, съезд послал телеграмму Ленину о признании Российской Федерации, о вхождении в нее автономной республикой. Поскольку же секциям съезда было тесно, ночью выехал съезд в столицу республики Владикавказ с его вместительными залами. К вокзалу по этому случаю пригнали все городские трамваи, и съезд покатил через город на расквартирование к Кадетскому корпусу. Ночь была безветренная, первая ночь без стрельбы. В первом вагоне трамвая стоял спал человек, который сделал все, о чем мечтал лишь писать.

Пятигорск — Грозный — Орджоникидзе

НАГЛЯДНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ К ЗАМЕТКАМ ОДНОГО «СПЕЦИАЛИСТА-СОВЕТОЛОГА»

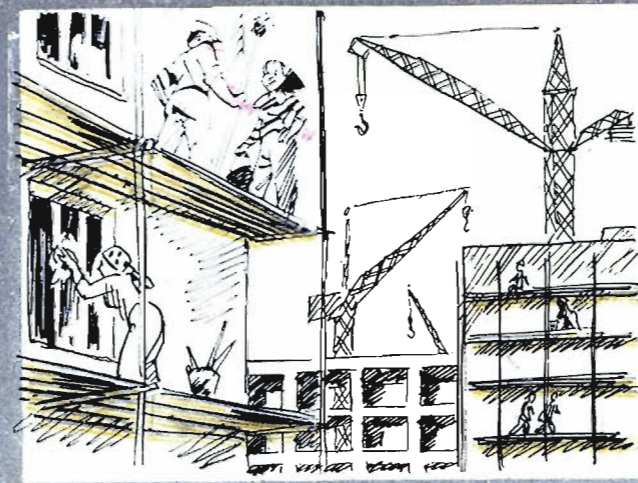
Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА

Мкртич КОРЮН

ПО НЕДОРАЗУМЕНИЮ

Со службы вернувшись, папаша прилег, У носа газетная строчка.
Абзац не прочел — телефонный звонок.
«Алло!» — реагирует дочка.
До ночи пойдет, как всегда, трепотня
Про платья, фасоны оборок...
Но что это!! Отдых отцовский цена,
Умолкла минут через сорок!
Подобным вниманием родитель сражен:
«Красавица, ты не больна ли!»
А та: «Ну, какой же болтать мне резон!!
Неправильный номер набрали».

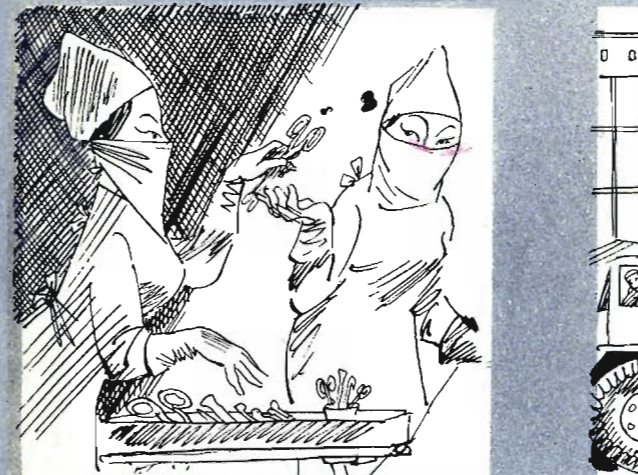
Перевод с армянского Бориса ГАЙКОВИЧА

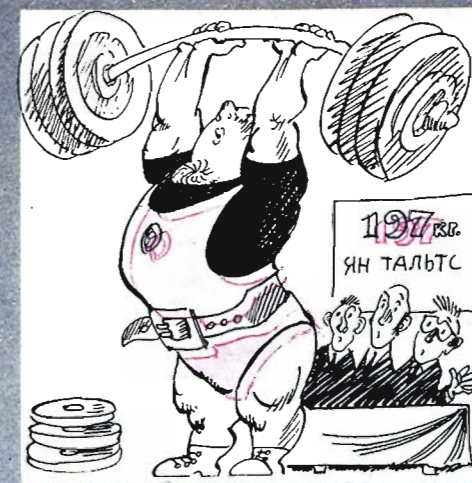
«Многие сибиряки продолжают находиться в лесах...»

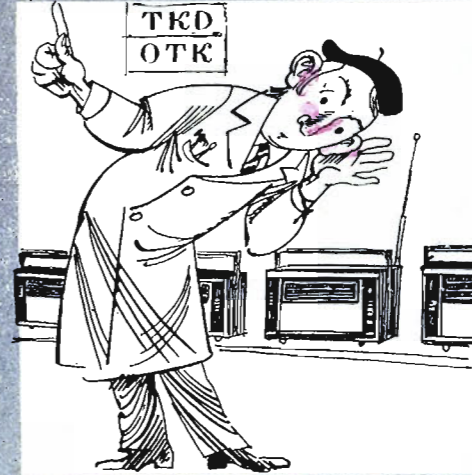
«Грузинам приходится ходить буквально на цыпочках...»

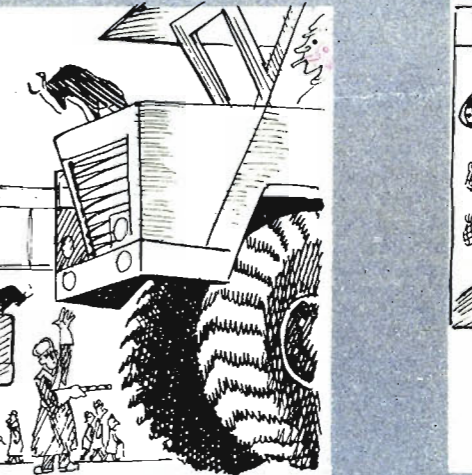
«Среднеазиатские женщины до сих пор закрывают лица...»

«Эстонцев вынуждают вручную поднимать невероятные тяжести...»

«Рижане прислушиваются к каждому шахроу...»

«В столице Белоруссии среди бела дня ходят сотни зубров...»

«В Молдавии совсем законсервировали производство...»

«Днепр наводнил киевские квартиры...»

«И совсем удручает Россия, где лапты и деревянные ложки, как и в старину, пользуются невиданным спросом...»

Михась ПЕНКРАТ

БЮЛЬ-БЮЛЬ

Слышишь, Мамед? Говорю я, Николай, из белорусского села Прудки. Помнишь? Это я нашел тебя на обочине лесной дороги едва живого, в беспамьятстве. Искал ранние грибы, а нашел тебя...
Раненого.
Обессиленного.
Безмолвного, как ночь...
Был знойный летний день горького сорок первого...
Я не спрашивал у тебя, кто ты и откуда. Моя пятнадцатилетняя мудрость сказала мне: солдат Красной Армии...
Прости, Мамед, но ты был очень тяжелый. Когда я дотащил тебя к берегу небольшой речушки, что протекает неподалеку от Прудков, я не чувствовал ни рук, ни ног...
Только темные круги в глазах...
Только глухой стук сердца...
Ты был безмолвен, как ночь. Но потом сухими, как осенние листья, губами прошептал:
— Пить...

В твоей же солдатской пилотке я принес тебе речной воды.
И рядом где-то в ольшанике вдруг залился соловей...
— Бюль-бюль, — сказал ты.
— Ага, буль-буль — это речка, — сказал я.
— Это соловей!..
— Но соловей не булькает, а поет! Ты приподнялся на локте и показал глазами на ольшаник:
— Бюль-бюль — соловей! По-нашему. Азербайджан. Баку. Нефть. В школе учился?
— Не сердись, друг. Я понял: бюль-бюль — соловей. По-вашему... Мы добрались домой, Мамед. Мать промыла и перевязала твою рану. И ты тогда сказал моей маме:
— Мама...
А помнишь, Мамед, новогоднюю ночь? За окном нашей хаты — синяя синяя ночь.
И снег...
И мороз...
И тревога...
И Родина в опасности...
И враги под Москвой...
А в нашей хате — тихо, тихо. Нового года нет. Есть черный военный год...
Кто-то постучал в мамино окно. Тревожно и страшно. Кто?
— Бюль-бюль...
Это пришел ты, Мамед. С трофейным автоматом. Из партизанского отряда.

— Мама!
— Мамед!
— А где Николай?
— В лесу. С партизанами.
Мы с тобой разминувшись, Мамед, чтобы потом встретиться. В партизанской землянке...
А помнишь, Мамед, было горячее военное лето. Наш отряд громил немецкий гарнизон. Вражья пуля ударила мне под сердце. Ты нес меня на руках до партизанского лагеря. Я был очень тяжелым, Мамед. Ты положил меня под высокой сосной. Сухими, как осенние листья, губами я прошептал:
— Пить...
А где-то в лесной чаще пел соловей. И мне казалось, что вот где-то тут, рядом, мой Прудки, что это булькает моя маленькая речушка...
— Буль-буль, — усмехнулся я.
— Бюль-бюль, — улыбнулся ты.

Перевод с белорусского Я. ОСТРОВСКОГО.

КОМУ ЧТО ДОРОГО

Механизация сельского хозяйства в хуторской буржуазной Эстонии находилась на низком уровне. Советская Эстония благодаря помощи братских республик оснащена передовой техникой.

ОДИН В ПОЛЕ НЕ ВОИН

Рисунок Хуго ХИЙБУСА
(Эстония)

Автобус по узкому шоссе взбирался в гору. С левой стороны и дороге подступал густой лес, с правой — было ущелье, в котором клочкотала бурная река. На одном из резких поворотов машину занесло вправо. Пассажирам показалось, что автобус вот-вот скатится в ущелье...

И, на какой-то миг представив неминуемую катастрофу, каждый инстинктивно укрыл ту часть своего тела, которая казалась ему самой необходимой для жизни...

Ученый прикрыл лоб и подумал: «Если руки оторвет — не беда, лишь бы голова уцелела!»

Фрезеровщик спрятал руки, подумал: «Ноги не будет — обойдусь, лишь бы руки не повредили!»

Часовщик заслонил глаза, подумал: «Шею сломаю — неважно, лишь бы глаза видели!»

Певец опустил голову, обхватил шею руками и подумал: «Если лоб расшибу, не пропаду, лишь бы голос не потерять!»

Поэт руками, как щитом, заслонив сердце, подумал: «Ничего не жалко, лишь бы сердце билось!»

Только один-единственный пассажир не знал, что же ему надо уберечь в первую очередь, что для него важнее. Это был бюрократ, который сам ничего делать не умел и только переадресовывал бумажки.

А водитель автобуса обеими руками крепко вцепился в баранку, нажал ногами на тормоз. Мускулы его лица напряглись, брови сдвинулись, на лбу выступили капли пота. Сердце учащенно стучало, в голове билась одна мысль: удержать машину, уберечь пассажиров. И он их уберечь...

Перевод с азербайджанского
Эльхана ИБРАГИМОВА.

Сақтапберген АЛЬЖИКОВ

ТРЕБУЕТСЯ ПАМЯТНИК

Смотрю я на наш колхоз «Котерме» и что вижу? Одни безобразия. Хоть смейся, хоть плачь. Да чего еще ждать, если таких тружеников, как лично я, зажимают и игнорируют! Ни уважения тебе, ни почета. Я уж не говорю насчет памятника. Где там!..

Вот недавно у подножия Кокжиде канал прорыли, планируют тыщу гектаров оросить. Ну и орошайте себе, но зачем же называть канал именем какого-то Муратбека? А кто он, этот Муратбек?

Другое дело — лично я. Помню, создали у нас ТОЗ — это такое совместное товарищество по обработке земли — я не против. Колхоз организовали — пожалуйста. С 1932 года ни одно колхозное собрание не пропускаю. Выходит, все это даром?

А попробуй скажи кому-нибудь. Вы, отвечают, человек известный. Классик вы, говорят, по клязам. Ну и что? Может, лично я только и вижу недостатки, а они не видят. Писал и буду писать. Думаете, легко? Тружусь, сил не жалею, а никто не ценит. А ведь наши принципы всем известны: от каждого — по способностям, каждому — по труду.

Я и в потребительскую кооперацию вступил. Книжечка имеется. Паевые взносы плачу. Может быть, это тоже не считается?

Словом, заслуги, согласно документам, имею, но пользы лично для себя не вижу. Ну что стоит колхозному руководству поставить памятник заслуженному человеку? Да где там... Знакомства нужны, поддержка начальства.

Взять хотя бы Муратбека. Ну, того, по имени которого канал назвали. Меня вон в области даже знают, пусть по клязам, но все-таки классиком называют, а о нем дальше колхоза и не слышали. Да мы с ним росли вместе, и лично я ничего в нем выдающегося не вижу, даже сравнивать смешно. Я, к примеру, всегда на виду, а он все в поле да в поле. Так за что, спрашивается, ему вторую Звезду Героя Социалистического Труда дали и скульптуру в центре аула соорудили?

И что он такого сделал, не пойму. В поле ходил, канал копал, хлеб сеял — это любой сумеет. А теперь — пожалуйста: еще и канал имени Муратбека. Мало ему, что в колхозном табуне есть гнедой Муратбека. Это значит, потомство от того коня, которого он когда-то в колхоз сдал. Так я ведь тоже сдал одну козу. Я ж не виноват, что она от старости вскообости померла и не дала потомства.

Теперь Муратбеку пенсию дали персональную, а чем я хуже? Ну ладно, про пенсию я не говорю, про памятник тоже, но хоть бы улицу в честь меня назвали. Вон их сколько у нас в ауле!

Нет, товарищи, я вам прямо скажу: плохо у нас относятся к заслуженным кадрам. Вы только представьте, как бы это звучало: «Улица Кукимача Шикуманова...»

Уверен, что местное начальство прислушается к голосу печати. Так что пропечатайте, пожалуйста, мое письмо. Это же не кляуза, а, можно сказать, крик души. Не болело...

Перевод с казахского Г. БРЕЙГИНА.

— С каких пор ты отвернулась от священной книги, негодная?

— С тех пор, как научилась читать вот эту книгу!

Рисунок Хасана РАСУЛОВА (Таджикистан)

М. ВИЛЕНСКИЙ

ПРИЗРАКИ НА КЕНСИНГТОН- СТРИТ

Признаться, музей восковых фигур мадам Тюссо изрядно надоел мне еще в самолете. Друг мой и попутчик Хуберт Сепп, карикатурист из Таллина, откуда мы летели в Лондон, прожужжал мне все уши:

— Как живые, понимаешь? — Хуберт таращил глаза. — Полная иллюзия! Злодеи и праведники, президенты и футбольные звезды! В натуральную величину. Кажется, вот-вот шагнут и заговорят. А это восток! Представляешь?

— Ты там был?

— Нет, читал.

Едва мы распаковались в гостинице, Хуберт потащил меня на поиски музея. Мы брели по тихой Кенсингтон-стрит, читая вывески.

— Стоп! — ликуя выпалил Хуберт Сепп, друг мой и попутчик. Его стойке позавидовал бы поинтер-медалист. В том месте, где Кенсингтон-стрит пересекается с Куингейт, на дверях дома № 167 потемневшая медная табличка гласила: «Дипломатическая миссия Эстонии».

— Филиал музея мадам Тюссо, не иначе, — объявил Хуберт.

— С чего ты это взял?

— Потому что, как тебе известно, буржуазная Эстония прекратила свое существование тридцать два года назад, когда Эстония вошла в состав Советского Союза, и с тех пор интересы всех советских республик представляет одно посольство Советского Союза. Следовательно, перед нами музей. Зайдем?

— Зайдем.

Действительно, все выглядело весьма натурально. Даже пыль и паутина были совсем как настоящие. В гостиной у камина застыл в кресле восковой старик в очках.

— Ну, как исполненыце? — гордо спросил Хуберт Сепп, словно он сам вылепил старца и обрядил его в черный мятый костюм.

— М-да, иллюзия полная. Надо полагать, кукла изображает господина посланника буржуазной Эстонии.

— Скорее всего. Обрати внимание, как надраена лысина. Так и хочется щелкнуть по ней.

Хуберт недолго сопротивлялся соблазну.

— Боже, царя храни! — надтреснутым фальцетом запела вдруг кукла и досадливо мотнула головой.

Я помог моему другу и попутчику подняться с ковра. За эту малень-

кую услугу он, в свою очередь, бережно опустил меня в кресло и обмахнул валявшимся рядом английским журналом «Уикенд».

— Вы сторож музея? — спросил Хуберт, обретая дар речи.

— Нет, я ио-ио.

— Странное имя. Вы с острова Таити?

— Меня зовут Генрих... нет, не Генрих. Как же меня зовут? Ах, да, ну, конечно, я Аугуст Бергман, ио-ио эстонского посланника. Мне восемьдесят два года...

— Простите, мистер Ио-Ио, виноват, Бергман, кого же вы представляете в Англии?

— Я представляю посланника Аугуста Торма. Живо представляю.

— В каком смысле живо?

— Я живо представляю себе, как он скончался в марте 1971 года от сердечного приступа. Дирижировал на репетиции хора эстонских эмигрантов — и хлоп... И. о. Тормы стал советник Эрнст Серепера, а через два месяца и он последовал за шефом. Так я остался один в этом тридцатикомнатном особняке.

— Тоскливая ситуация. Ну, и чем же вы занимаетесь в ваши, так сказать, служебные часы?

— Рассылаю ноты.

— Протеста?

— Что вы!.. Кому? — Старик горько усмехнулся. — Нет, я рассылаю по домам ноты, которые хористки забывают здесь на репетициях. А вчера порвал дипломатические отношения.

— С кем?

— Со старьевщиком. Поверите ли, этот мерзавец отказался купить парадный сюртук господина Торма. Ветошь, говорит, труха.

— Извините, а почему вы запели «Боже, царя храни»? Это из репертуара женского хора?

— Нет, господа, это из моей биографии. Я ведь когда-то был царским офицером. Потом белогвардейским. «Разрешите-с, вашество-с, прямой наводкой по бунтовщикам-с». Ах, было времечко!..

— И не страшно вам здесь одному в тридцати комнатах?

— Ох, не говорите! Особенно по ночам. Паркет стреляет, мышинные табунчики топчут, привидения шляются. То сам господин посланник придут — машут этак приглашительно дирижерской палочкой. То еще хуже — большевики в буденов-

МИСТЕР БЕРГМАН — ЖИВАЯ МУМИЯ В ПРИЗРАЧНОЙ «МИССИИ».

(Снимок из журнала «Уикенд»).

ках. Ну, вскочишь с постели да как гаркнешь: «Тьфу, рассыпьте, тени бесплотные! А то я вас мигом всех парафирую и дезавуирую!»

— Круто вы с ними...

— Уж очень, знаете, хочется иногда дезавуировать и парафировать...

— Извините за нескромный вопрос, мистер Бергман. На пенсы, вырученные от продажи старьевщику побитых: молю эмигрантских сюртуков, корзинок угля для отопления дома не купишь, не правда ли? В таком случае, если не секрет, на какие медные вы существуете?

— Нас финансируют из Америки. И меня, и литовскую, и латвийскую миссии — они вот тут рядышком на Кенсингтон-стрит тоже свой век коротают, — все ровесники мои.

— Кто же именно в Америке печется о вас?

— Тсс! — Старик вылепил бледно-голубые глаза-ледышки. — Сие есть тайна великая.

— Ну, а как к вам относится английский МИД, в смысле Форин оффис?

— Они нас признают, но не полностью.

— Это как же? — удивился я.

— Ну что ты не понимаешь? — изумился мой друг и попутчик Хуберт Сепп, карикатурист из Таллина. — Англичане верят в привидения. Они признают их существование, хотя и понимают, что это только призраки, миражи прошлого. Обыкновенная дипломатическая мистика.

— Какие еще проблемы вас волнуют, мистер Бергман?

— Проблема преемника. Кто же меня заменит, когда господь призовет раба своего Аугуста Бергмана для встречи на высшем уровне? Нет у меня наследников, нет...

— А как же дамы из хора эстонских эмигранток? Неужто они настолько поглощены вокалом, что не имеют времени на выполнение своих прямых биологических обязанностей?

— Увы, господа, дети и внуки этих колоратурных бабушек полностью обангличанились. Так что, ко-

гда я умру, вместе со мною закроется миссия и исчезнет эстонский народ как таковой.

— Ого-го! — захохотал друг мой и попутчик Хуберт. — Своей скромностью вы напоминаете мне некоего Людовика Четырнадцатого с его любимой присказкой: «Государство — это я». Откуда вы взяли, что вместе с вами исчезнет эстонский народ?

— Из журнала «Уикенд». Здесь до вас побывал их корреспондент Питер Робсон. Вот, извольте — прочтите. — Дрожащей рукой исполняющий обязанности исполняющего обязанности протянул нам журнал с аппетитной девицей на обложке.

Неторопливо перевернув обложку, мы прочитали:

«Эти три миссии действуют в печальном сумеречном мире дипломатии, поддерживающей контакты с прошлым, но с малыми надеждами на будущее. Призрачные миссии поддерживаются главным образом денежными фондами из Америки. Печально, но, кажется, эти деньги окажутся более долговечными, чем эти миссии. И когда они закроются, тогда действительно умрут три маленьких балтийских народа».

— Мистер Бергман, — торжественно сказал мой друг и попутчик Хуберт Сепп, карикатурист из Таллина. — Если мистер Робсон из журнала «Уикенд» еще к вам заглянет, передайте, что в его интересную статью вкралась досадная опечатка: эстонский, а также, естественно, литовский и латышский народы никогда не исчезнут и умирать не собираются. Они живут и здравствуют, поют и строят, любят и смеются, в частности смеются над англо-американскими коллекционерами политических призраков.

— Кто вы такие? — prodrebezжал мистер и. о. и. о. посланника.

— Советские журналисты.

— Тьфу, рассыпьте, тени бесплотные! Я вас де-де-дезавуирую!

Мы ушли, опасаясь, что старик не выдержит явно чрезмерной для него эмоциональной нагрузки.

КОНЕЦ

Лягушачья Речка

Молодой учитель природоведения Озолс-Залитис (что приблизительно означает Дуб-Травкин) вышел на гостиничное крыльцо. Город Валка, куда приехал из Риги начинающий педагог, вечерне благоухал — и даже отчасти рижским бальзамом, настолько буйно было цветение трав. Из Лягушачьей речки, что делила городок на две неравные части, транслировался Великий Концерт Любви.

Знаток биологии и физической географии, повторяем, был безнадежно молод, романтичен и к тому же близорук как буквально, так и переносно: в смысле географии политической. Он двинулся к горе, к огням, к музыке. Пересигнув речушку, преподаватель с ходу одолел какой-то странный колючий забор, и тут ему вдруг велели остановиться. Приказ был отдан на языке, которого учитель не знал, но он сразу же понял, что те люди не шутят. Тем более, что приказ красноречиво подкреплялся дулами двух винтовок. Затем педагог, толком так-таки ничего не понимая, под конвоем проследовал в управление.

Наутро в гостинице возник переполох. Администрация отеля предприняла энергичные поиски и к концу вторых суток установила, что не очень

дальнозоркий учитель содержится под стражей. Но не в латышской Валке, а в эстонской Валге.

Шел 1939-й год...

Накануне же досадного приключения с латышским преподавателем точно подобный случай произошел с двумя эстонскими крестьянами. Правда, те заблудились не сослепу, а просто хватив лишку, потеряли ориентировку и забрели в Лягушачью речку. Здесь они вмиг были отловлены бдительными пограничниками и так же неукоснительно препровождены в управление. На этот раз соответственно не в эстонской Валге, а в латышской Валге.

Происшествия эти случились в городе, разрезанном границей на два куска. В ту пору стояли на главной улице, соединяющей Валку и Валгу, два пограничных поста. Открывался и закрывался тюремно-полосатый шлагбаум, и гражданин Латвии, которому надо было железнодорожно проследовать через эстонскую территорию до латышского местечка Але, был погружаем в вагон с решетками, запираем наглухо и даже plombируем!

Свистел и кукавал узкоколейный паровозик, и бежала за окном в ржавую железную полосу буржуазная Эстония. «Серая дорога, Эстония, ты... И пись-

мо об этом — серые листья...» — так писал в эмиграции эстонский поэт Барбарус. Изгнали же его в загрансылку именно за то, что воспевал поэт неугодные властям равноправие языков и народов...

А все началось так. В феврале девятнадцатого года эстонское буржуазное правительство послало свои вооруженные силы против соседки Латвии. Дабы по испытанным империалистическим образцам оттяпать кусочек соседской территории. Момент был выбран удачный. Разоренные кайзеровскими войсками северные области Латвии хотя и сопротивлялись, но выстоять не смогли. Вскоре пали Валка, Руйена, Айнажи, Мазсалаца...

Навстречу эстонскому войску вышла часть под командованием консула Раманиса. Встретившись, обе воюющие стороны тут же и застыли в некотором раздумье: пролить кровь или не проливать? Начались долгие парламентские переговоры. Как водится, в дело вступила пресса. И если умеренно либеральная «Льуна-Эсти» склонялась к восстановлению статус-кво (правда, «в рамках уже оформленных территорий»), то воинственная «Ригаише Рундшау» настоятельно звала Латвию к торпору, требуя занять «значительно более

северные ареалы спорных географических площадей».

Обстановка накалялась с каждым днем, перерастая чуть ли не в международный конфликт. На Даунинг-стрит и Кэ-д'Орсэ дипломатическое давление достигало верхних отметок, и, конечно же, Англия, старая добрая Англия, с ее такой трогательной заботой о малых нациях не устояла и предприняла далеко идущий демарш. Под видом арбитра в раздираемую анархией Валку-Валгу прибыл английский эмиссар, некий сэр Тэлент, полковник армии его величества. Но, понятно, не арбитража хотели на Даунинг-стрит. Жаждали создать пресловутый «санитарный кордон» против молодой большевистской России. И поэтому бойкий военный приехал не сам-один, а с компанией — вооруженной до зубов бригадой истинно британских джентльменов.

Но куда шустрый сэр Тэлент и его дружина поспешили к лакомого прибалтийскому пирогу, здесь произошли следующие события. Латышские и эстонские пролетарии вместе с прогрессивно настроенной интеллигенцией образовали свой рабочий батальон и весьма убедительно дали понять британским любителям чужого, что их фокус с устройством каких-либо «кордо-

мочь нам. То же касается, скажем, и животноводства. Совсем недавно наш Дорийский племенной совхоз передал грузинским животноводам пятьдесят голов молодняка знаменитой кавказской бурой коровы. Понятно, опять произошло «нарушение» границы: большое стадо перебралось с армянской стороны на грузинскую.

На столе у секретаря райкома появляется карта пограничной зоны. Красными кружками и стрелами намечены на ней передислокации ансамблей художественной самодеятельности, вручения переходящих знамен, места спортивных состязаний, пионерских костров, слетов молодежи трех районов, комсомольских свадеб.

За один праздничный стол усядутся и доярка Роза Аюпян, и механикаторы Самсон Мартиросян и Погос Салоян из Армении, и их грузинские коллеги — картофелевод Софья Окруашвили, пчеловод Сулико Автушвили, животновод Федор Муджиришвили, их азербайджанские друзья — доярка Агжа Аликулиева, виноградарь Чилвардар Исаяев, чабан Аллахаяр Мамедов, — усядутся как дети одной дружной и крепкой советской семьи.

Казахстана, идут по залам музея. А товарищ Айре, как вы понимаете, отменный экскурсовод, так сказать, живая история. Возможно, это один из самых любопытных музеев на земле — так рельефно и живо показан здесь кусок бесславно уплывших в Лету событий. И все-таки трудно понять это смутное прошлое в наши дни, когда комфортабельный автобус за несколько минут пронесет мимо новостроек, мимо современных школ, фабрик и больниц вот этого совсем модно не-остриженного латышского паренка к его ослепительной эстонской подруге, проживающей к северу от бывшей Лягушачьей речки. Он об этой исторической водной магистрали до визита в музей и знать-то толком не знал.

Повидаться со старым другом Айре приходит его сверстник, пенсионер Адольф Алфредович Репелис, красный стрелок, партизан, первый секретарь укома комсомола Латвии в 1940 году... Не без гордости говорит он о теперешней хозяйственной нерасторжимости между эстонским и латышским городами. Не думайте, однако, что и в те старые годы не было никаких контактов. Скажем, спирт в Эстонии был почему-то дешевле, чем в Латвии. И чтобы забыться от тягот жизни, латышский гражданин всеми правдами и неправдами стремился попасть на рынок в Валгу. С другой же стороны, основная тягловая сила, лошадь, была отчего-то дешевле в Латвии, и эстонский земледелец стремился купить одноосильный лошадиный «мотор» в Валке...

Трудно, трудно все это представить себе, когда и не заметишь, как очутишься вместо Валки в Валге. Видитель автобуса свободно владеет обоими языками. Разве что вывески вдруг становятся длиннее: это значит, ты уже в

Эстонии. И если раньше только ударение на первом слоге было общим в обоих языках, то теперь это общий язык дружбы. Например, мыслимое ли дело было для двух враждующих муниципалитетов выработать совместный генеральный план развития города?.. А сейчас он действует. Мы уж не говорим о народных праздниках, отмечаемых совместно, о поисковых бригадах, состоящих из латышских и эстонских пионеров, которые идут по следу тех, кто пал здесь в суровую годину 1944-го, навсегда освобождавая Валку — Валгу. Обо всем этом рассказывает нам Удо Кангур, секретарь Валгского райкома партии...

Строгие синие сумерки ранней зимы густеют на крышах, в улицах, меж оголившихся осенью деревьев. Мы стоим на том самом месте, где текла когда-то Лягушачья речка, где клубилась ржавая колючая проволока отчуждения и вражды... Впрочем, предоставим слово прессе.

Эстонская буржуазная «Таллина Тейтайа»:

«Какая жалость, что мы вовремя не расправились с ними. Сейчас Валга жила бы полноценной жизнью. А она вымирает. Здесь осталось 1 585 человек... Что же будет дальше?»

Латышская «Брива Земе»:

«Это была непростительная глупость, что мы не выкурили их оттуда огнем и железом. Город хиреет с каждым днем...»

Идет из эстонской школы латышский мальчик, внук учителя природоведения, арестованного некогда буржуазной жандармерией. Идет, размахивая портфелем, и решительно этому человеку наплевать на то, что когда-то два города-брата делила пограничным кордоном Лягушачья речка.

Пришел ей конец.

Валга — Валка — Валга — Валка...

ВОСВОЯСИ

У каждого человека есть своя мечта, верно? И у хлопкороба она имеется. Хочется ему, знаете ли, вырастить такой урожай хлопка, чтобы в самый разгар таджикского лета все поле было белое, как зимой от снега.

Напоили мы свою безводную степь водичкой, оросили поля, обзавелись техникой, и мечта сбылась.

Однако правильно сказал один мудрец: есть у человека яблоко, так он еще на арбуз зарится. Вот и нам, деканам колхоза «Москва», захотелось такой урожай овощей вырастить, чтобы равного ему в мире не было.

Собрал наш раис собрание.

— Ну как, — спрашивает, — дадим рекордный урожай?

— А как же, — отвечаем, — не сомневайся. Землю-то поливную, а труда не пожалеем.

— Ну тогда за дело!

Да... Вырастили, значит, рекордный урожай...

И тут, как говорится, началась неприятности. С хлопком все обошлось прекрасно: сдали на заготовку. Только и забот, что по магазину теперь ходит как выбирать: то ли мотоцикл купить, то ли автомашину. А вот с овощами и бахчевыми, прямо скажу, не красиво получилось. Помидоры у нас уродились, как арбузы, а уж об арбузах и говорить страшно. Прямо гиганты: два человека один арбуз подтаскивали к машине.

Ну, нагрузили мы машины. На переднюю самые лучшие овощеводы сели, на вторую — оркестр: карнай, зурна, дойра. Так с музыкой и въехали на приемный пункт.

Посмотрел заготовитель на наши овощи и в обморок упал. «Скряяя» приехала, нашатырного спирту ему дали понюхать. Встал он и говорит слабым голосом:

— Не ожидаю я, земляки, от вас такого подвоха. Вы мне весь план заготовок срываете.

— То есть как это срываете? — говорим. — Да мы пятью помидорами твой годовой план выполнить можем. Посмотри, какие великаны!

— Вот то-то и оно, — говорит. — В чем, спрашивается, я ваших великанов солишь и мариную буду? Они не то что в банку — в ведро не полезут. Уезжайте назад, не приму я от вас эти чудовища... Нестандартные они...

Ну, что с ним делать? Пришлось вернуться восвояси.

Опять собрание собрали. Раис наш грустно так говорит:

— Да, друзья, не угодили мы этому самому стандарту. Давайте делать выводы...

А какие тут могут быть выводы? Земля-то поливная, свое дело знает: огурцы, помидоры, арбузы выросли в этом году отменные. Ей, земле, я так понимаю, на стандарт наплевать да и на завсклада-аку тоже.

Кстати, может, завсклад-аку делает выводы? Хотя нет: больно уж он стандартный.

Перевод с таджикского.

Юрий ЧЕРЕПАНОВ, специальный корреспондент Крокодила

НА ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛОСЕ

На этой границе ни днем, ни ночью нет покоя. То пеший пройдет, то всадник проскачет, а то и целая автоколонна «нарушит» нейтральную попусу... Но все они остаются безнаказанными. Ибо граница эта особая. Здесь стык трех республик, здесь соединяются в одном пожатии руки грузина, азербайджанца, армянина.

Так вот одиночное «нарушение» границы

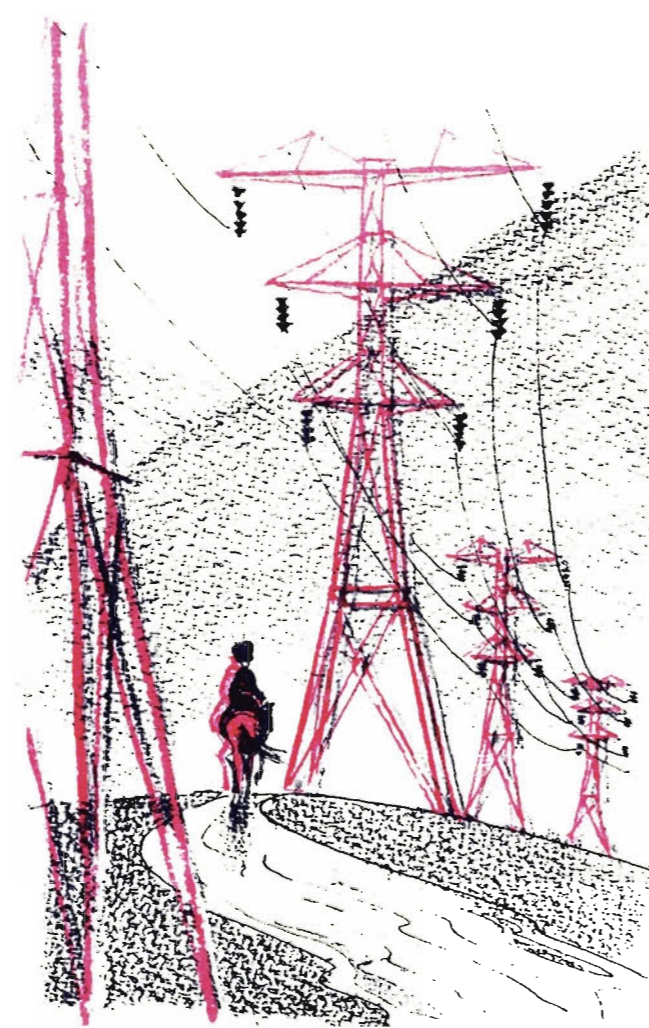
означает, к примеру, что сосед отправился к соседу на чашку чая или посидеть вместе у телевизора. А массовый переход через рубеж свидетельствует о том, что в клубе братской республики ожидается большая концерт или начинается слет механизаторов.

— Пожалуй, соседний грузинский район Болнис я знаю не хуже, чем свой, — говорит секретарь Калининского райкома партии Армянской ССР Каро Георгиевич Козарьян. — Вот уже двадцать лет мы соревнуемся. Все у нас похоже, кроме разве что природы. Наши районы рядом, а вот сроки созревания урожая различны. И тут выручает традиционная взаимопомощь. Сначала грузинские хлеборобы на наших комбайнах убирают урожай у себя, а затем спешат по-

татарь Калининского райкома партии Армянской ССР Каро Георгиевич Козарьян. — Вот уже двадцать лет мы соревнуемся. Все у нас похоже, кроме разве что природы. Наши районы рядом, а вот сроки созревания урожая различны. И тут выручает традиционная взаимопомощь. Сначала грузинские хлеборобы на наших комбайнах убирают урожай у себя, а затем спешат по-

СХЕМА ПРОВЕДЕНИЯ ПОГРАНИЧНЫХ ОПЕРАЦИЙ

ПОГРАНИЧНАЯ ЛИНИЯ

ПЕСНЯ НЕ ЗНАЕТ ГРАНИЦ

ЗАДЕРЖАНИЕ НА ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛОСЕ

ПЕРВЫЙ...

— Все в этой степи, пожалуй, создано под знаком «первый», — сказал председатель колхоза имени Карла Маркса Халматжан Мареzyков. — Всего десять лет назад мы впервые пришли вот сюда, в центр Ферганской целины, Яз-Яванскую степь. Первое общее собрание колхозников проходило на временном полевом стане. На этом собрании было создано первое правление колхоза. Уже строились первые дома. И, наконец, была проложена первая борозда — проложил ее трактор Родиона Эргашева.

— Как вы сказали?! Родион Эргашев? Какое необычное сочетание имени и фамилии...

— Что там имя-фамилия! Вся биография этого парня необычна.

...Поздняя осень сорок первого. Моросит дождь. Вокруг сирены, самолеты со свастикой на крыльях с ревом пронесаются над опаленным городом, взрываются бомбы...

Трехлетний мальчуган стоит на тротуаре и удивленно смотрит на бегущих людей, на проходящие с грохотом танки.

— Ты кто такой? Где твои родители? — Усатый военный сердито оглянулся вокруг. — Чей это ребенок?

Никто не ответил. Военный нагнулся к мальчугану:

— Как тебя зовут?

— Родя.

— А фамилия?

— Родя.

Недалеке раздался взрыв бомбы. Дом, стоящий на противоположной стороне улицы, вдруг осел и загорелся. Усатый военный, прижав к себе Родю, побежал в сторону вокзальной площади.

Родю посадили наверх — на третью полку. Вагон напоминал улей. Сколько дней он проехал в поезде, где останавливались, мальчуган не запомнил. Единственное, что врезалось в память, — место, куда в конце концов они приехали. Здесь не было ни снега, ни злобещих самолетов, ни сотрясающих небо взрывов... Всюду были цветы, деревья, вода и солнце, согревающее нежными лучами землю. Здесь не было больших домов, широких, длинных улиц, как в Ленинграде. Родя еще не знал, что был он уже на солнечной земле Узбекистана, что предстояло ему жить в добром детском доме.

Однажды в детский дом пришли старик со старушкой. Старик вручил заведующей детдомом заявление:

— Я из кишлака Суфилар. Меня зовут Эргаш Мастанов. Я колхозный садовник. Это моя жена — Курбан Биби. У нас нет детей. Мы бы хотели усыновить вон того рыженького мальчика, который стоит под яблоней...

...Я стою рядом с широкоплечим крепким парнем в комбинезоне. На его рыжеватых волосах лихо, совсем не по-узбекски сидит цветистая тюбетейка, небесно-голубые глаза слегка щурятся под ясным солнцем. По моей просьбе он досказывает свою биографию. Звучит она почти анекдотно.

...После войны Эргаш-ата умер. Родион стал учеником известного в кишлаке тракториста Азимджана Мирзаева, а вскоре — и лучшим механизатором района. После успешного окончания курсов механизаторов в Бешарыке Родион Эргашев вернулся в родной кишлак механиком-водителем хлопкоуборочных машин.

— И конечно же, — это уже добавляет председатель колхоза, — он одним из первых отозвался на призыв партии и правительства освоить Яз-Яванскую степь в Центральной Фергане и вместе с пионерами целины прибыл сюда. Он один из тех, кто помог дать стране в этом году самый большой «хирман» белого золота.

Перевод с узбекского.

Старейший гражданин нашей страны, 167-летний Ширали Мислимов.

Дружеский шарж И. НАДЖАФКУЛИ (Азербайджан!)

— Просили приходить на субботник со своим инструментом.

Рисунок Р. ГРАБАУСКАСА (Литва)

— Что ищешь?

— Вот за день одну деталь изготовил, да и ту потерял.

Рисунок Л. ШАРИФЖОНОВА (Узбекистан)

Тут подошел Киндзюлис...

(из литовского юмора)

Учитель отчитывает ученика за опоздание на уроки.
Тут подошел Киндзюлис и сказал:
— Учиться никогда не поздно.

Один композитор объясняет красивым дамам:
— Говорят, гениальность — это болезнь.
Тут подошел Киндзюлис и сказал:
— Вам опасаться нечего, вы выглядите совершенно здоровым.

По дороге к имениннику гости обсуждают, чем бы удивить хозяев.
Тут подошел Киндзюлис и посоветовал:
— Пойдите без бутылки.

В кафе сидят двое.
— Вот время, которое я больше всего люблю, — сказал один.
— Почему?
Тут подошел Киндзюлис и сказал:
— Потому что уже поздно возвращаться на работу, но еще рано идти домой.

Соседки делятся новостями:
— Вчера мой сын свалился с четвертого этажа, но остался цел и невредим.
— Неужели?
Тут подошел Киндзюлис и сказал:
— Вы живете в новом доме, а строители оставили груды мусора высотой до четвертого этажа.

К управдому прибегает запыхавшийся жилец.
— Когда идет дождь, мою комнату заливают водой. Долго ли это еще будет продолжаться?
Тут подошел Киндзюлис и сказал:
— Откуда ему знать? Он же не метеоролог.

Киндзюлис путешествует по Чехословакии с туристической группой.
— Мы проходим мимо старейшей пивной Праги, — указывает гид на старинное здание.
Тут к нему подбежал Киндзюлис и спросил:
— А почему мимо?

— Автор! Автор! — скандируют зрители на премьере спектакля. Но автор пьесы не появляется.
Тут на сцену вышел Киндзюлис и сказал:
— Не волнуйтесь, товарищи зрители. В окончательной редакции в пьесе не осталось ни одного авторского слова.

— Зачем вы заставляете своего сына заниматься музыкой? У него совершенно нет слуха, — говорит учитель музыкальной школы матери ученика.
Тут подошел Киндзюлис и сказал:
— Он и не собирается слушать: он будет играть сам.

— Приятно видеть, что наш клуб посещают так много рабочих, — говорит вернувшийся из отпуска художественный руководитель директору.
Тут подошел Киндзюлис и сказал:
— Правильно: они ремонтируют ваш клуб.

— Возьмите свою дочурку!
— Как дочурку? Разве вам оттуда не звонили, чтобы был сын?

Рисунок Э. БЕРДЗАНИШВИЛИ (Грузия)

— Где же справедливость, козел! Меня посылают сторожить огород...
— Не говори, лисичка! А меня посылают на птицеферму!

Рисунок Е. ОШСА (Латвия)

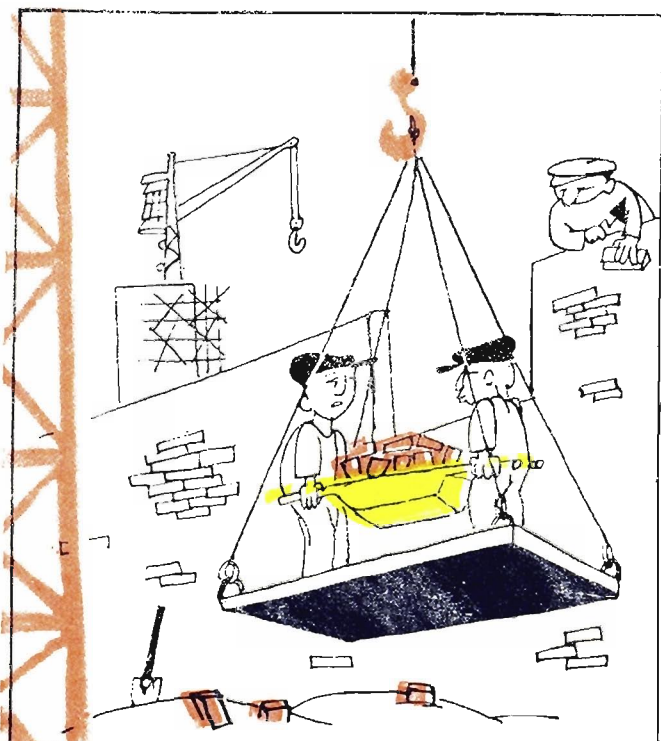

Рисунок М. ТОМИЛОВА (Киргизия)

ПЛОДЫ УСМЕШКИ

— Не понимаю, как один человек может сделать столько ошибок? — удивляется учитель, возвращая ученику тетрадь с домашним заданием.
— А мы писали вдвоем с бабушкой, — ответил ученик.

Муж пришел к адвокату:
— Хочу развестись с женой.
— А что случилось?
— Да она каждый день таскается по ресторанам да пивнушкам.
— Неужели ваша жена такая пьяница?
— Да нет, она меня разыскивает.

— Отчего это у тебя фонарь под глазом?
— Да один тип в очереди вперед меня лез.
— И никто вас не разнял?
— Так там больше никого и не было...

Семилетняя дочка охотника говорит своей подружке:
— Когда учительница снова будет рассказывать нам про первобытных людей, которые жили только охотой, я снажу ей, что это выдумка...

Выиграл сын автомашину, посадил в нее своего отца и решил покатать. По дороге ударился о телеграфный столб и остановился.
— Сынок, — говорит отец, — а как ты будешь останавливать свою машину в поле, где нет столбов?

— Что у вас сегодня на обед? — спросил посетитель столовой.
— Как вам не стыдно, гражданин! — ответил официант. — Второй месяц у нас обедают, а никак не можете запомнить!

— У вас есть книга под названием «Мужчина — повелитель женщины»?
— Фантастика — в соседнем зале, — ответила продавщица.

Сын спрашивает отца:
— Как можно отличить зайца от зайчихи?
— Берешь зайца или зайчиху за уши и опускаешь на землю. Если побежал, — значит, заяц, а если побегала, — значит, зайчиха.

Старуха обращается к продавцу:
— Взвесьте мне, пожалуйста, десять ниллограммов муки... Хотя, знаете, десять я, пожалуй, не донесу.
— Ничего, бабуся, смело берите десять, я вам их так взвешу, что донесете, — успокоил ее продавец.

Петро сказал:
— Ох и трудно жить на свете честным людям!...
— Ну и пусть их, а тебе-то что? — ответил ему сосед.

— До чего же ты разлепился, — сказала жена мужу, — ничего дома не хочешь делать.
— Зато в колхозе хорошо работаю.
— А откуда это видно?
— А ты разве не слышала, как по радио передавали: «В колхозе «Заря» хорошо работают на вывозе удобрений Дмитренко, Петренко, Коваленко и другие».
— Ну и что? Твоей-то фамилии не назвали.
— Как это не назвали?! Я же и есть там, где «и другие».

— Вы обвиняетесь в краже свиньи и семерых поросят, — сказал судья обвиняемому.
— Свинью украл, виноват. Но на счет поросят вранье, гражданин судья, они сами за свиньей побежали.

Перевод с украинского.

КРОКОДИЛ

№ 35 (2045)

ИЗДАЕТСЯ
С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

журнал
выходит
три раза
в месяц

НАШ АДРЕС:
101455
МОСКВА А-15 ГСП
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
[зам. главного редактора]

Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
Г. О. МАРЧИК
[ответственный секретарь]

И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМЕРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ
[художественный редактор]

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 30/XI 1972 г.
А 01032. Подписано к печати 12/XII 1972 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л., 4,54 уч.-изд. л.

Фотоформы изготовлены в ордене Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. Правды, 24. Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», г. Свердловск, проспект Ленина, 48.
Тираж 5 000 000 (5 завод 4 205 301 — 5 000 000) заказ № 1501

— Это бывший политический деятель. Вот уже пятьдесят лет страдает таким странным видом шизофрении.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

